

НАТАЛЬЯ КУСКОВА

ПЁС

Собака бросилась на него, оскалив белые зубы, брызгая розоватой слюной, она отчаянно кромсала руку человека, руку, которая мешала ей осуществить задуманное – дотянуться до горла.

А человек уже давно не понимал, что происходит. С утра его опять штормило, болела голова и тряслись руки. Без всякой цели он бродил по двору, распространяя вокруг омерзительную вонь перегара, несвежей одежды и давно не мытого тела. Подходил к вольеру, где сидел его любимец пес полукровка – то ли лайка, смешанная с волком, то ли волк, смешанный с лайкой. Пес был серьезный, на любого зверя ходил бесстрашно, среди собак равных себе не знал и палочки-поноски всякие носить не собирался. Прошлым летом исполнилось ему три года, и понимающие мужики охотники цокали языками,

любуюсь силой и мощью этого зверя. А он, глядя исподлобья, приподнимая верхнюю губу так, что едва обнажались влажные белые клыки, издавал какой-то едва слышный гул, напоминающий рычание, в ответ на внимание. И этим внушал даже не страх, а чувство, похожее на уважение, и всякое желание потрепать панибратски его по белесому загривку улетучивалось бесследно.

Он признавал только хозяина. Подчинялся ему беспрекословно. Радостно повизгивал, как глупый щенок, едва распознавал своим необъяснимым собачьим чутьем приближающееся время выхода в тайгу на охоту. Да и сам хозяин к осени начинал тосковать по терпкому, крепко настоящему на хвое, воздуху тайги, по просторам, не обжитым человеком, по вечернему костерку. И они с собакой еще за две недели до отъезда уже знали, что вот-вот придет то время, когда они будут как одно целое, понимать и чувствовать друг друга для того, чтобы просто выжить в зимней тайге.

Пес внешне был очень похож на мать-чистокровную промысловую охотничью лайку. Она также была любимицей своего хозяина. Охотник очень ценил ее за умение работать в тайге, бесстрашие и собачью смекалку, за упорную настырность – ни за что не уйдет от дерева, если в ловушке соболек. Это упорство и вышло однажды ей боком. Март всеми своими приметам известил об окончании охотничьего сезона. Вернувшись с последнего, можно сказать прощального, обхода своих угодий, хозяин с вечера отметил богатую охоту, сытно поужинал и выпил весь оставшийся запас водки – не тащить же обратно. Натопил избушку-зимовье, да и уснул-забылся тяжелым сном пьяного уставшего человека. Лайка же напрасно упорным хриплым лаем звала его к дальней забытой ловушке, да не дождавшись, там же и осталась на ночь, вытоптав себе лежку в подтаявшем снегу. И только утром, услышав приближающийся гул вертолета, рванула бежать к зимовью. Охотник, проспав утро, грузил

мешки в вертолет, устраивал туда же двух других собак и все вертел головой, свистел и хрипло снова и снова выкрикивал кличку любимицы. Вертолетчики спешили. Незапланированная самовольная посадка в лесу могла им дорого обойтись. И задерживаться, поджидая запропастившуюся собаку, не согласились. И только когда вертолет был уже высоко в небе, лайка, вывалив алый язык, выскочила на истоптанную глубокими следами, измятую поляну. И вот тогда, перекрывая удаляющийся рокот человеческого предательства, вырвался отчаянный крик-вой из груди брошенной в тайге собаки.

Прошло время. Новая зима заметелила, запуржила, и с первыми устоявшимися морозами охотник вновь прибыл в свои охотничьи угодья. Радостно, предчувствуя привычную и любимую работу, выгрузил из вертолета пожитки, благодарно помахал вслед вертолету. Повернулся и замер. Из подлеска настороженно и пружинисто вышагнула его собака, и почти сразу же выкатились четыре щенка, выкатились и затявкали. Незнакомые звуки и запахи будоражили и волновали, заставляя просыпаться волчьими, собачьими ли гены.

Вот так и появился на свет наш пес. Каждую зиму он жил в тайге и пережидал межсезонье в просторном вольере во дворе частного дома на окраине сибирского городка. Каждое лето, мучаясь от безделья, хозяин пил. Это становилось с каждым разом все отвратительнее, время запоев удлинялось, и дни текли тягучими часами. Пес не выносил запаха алкоголя, он дурманил и приводил его в бешенство. Скрытая ярость вырывалась наружу: он агрессивно рычал, бросался на сетку вольера, рыл землю. Этим летом хозяин пил так много и долго, что нора, вырытая собакой, представляла собой глубокое волчье логово, где пес мог скрываться и лежать, не выходя сутками. Бывало, по утрам, принося еду, хозяин куражливый, требовательный голосом вызывал собаку из убежища, желая получить подтверждение собачьего повиновения

и своей хозяйской власти. Теперь, случалось, пес не слушался. Долгое отсутствие собаки раздражало хозяина все больше и больше, и наконец, изрыгая маты, взяв палку, чтобы проучить пса, он входил в вольер... Когда это случилось в первый раз, пес, глухо рыча, подчинился. Он очень любил своего хозяина и верил ему, он ждал время охоты и даже тосковал по скупой ласке за хорошо сделанную собачью службу. Но теперь, судя по всему, на охоту выехать хозяин не мог. Он опустил-ся и беспробудно пил, лишь хвастая своими охотничьими достижениями собутыльникам, и в доказательство каждый раз куражился у вольера, вызывая собаку из норы. В собаке вызревал протест. Но протест вызывал лишь ненавистный запах алкоголя, пес решил, что он был всему виной, а понятие «хозяин» в собачьей голове оставалось неизменным.

Сегодня пьянка продолжалась всю ночь. Какие-то люди сновали то в дом, то из дома, то по нужде, то в соседний дом за самогоном. И, не выдержав объёма выпитого, к утру затихли. Утро принесло тяжелое похмелье, злобное раздражение и, видимо, желание чувствовать, что кому-то может быть и хуже. Трое затоптались у сетки вольера, советуясь, продать собаку или обменять на пару «пузырей» на поправку. Хозяин раскачивался в вольере, противным пьяным голосом приказывал выходить, грязно ругался и тыкал длинным, грязным черенком лопаты в нору. Все вместе они представляли труднопроходимое препятствие для потока свежего воздуха, создавая стену смрадной вони. А когда хозяин вылил в нору ведро холодной воды – чтобы пес не разлеживался – терпению гордой собаки пришёл конец. Пес бросился на человека, стремясь дотянуться до горла и тем самым победить эту вонь, освободить хозяина, прекратить издевательство и глумление. Дружки разбежались, измученные пьянством соседи вызвали полицию. Наряд приехал быстро, но пес уже отступил и виновато ворча, скрылся в своем убежище. Посовещавшись, сотрудники полиции приняли жесткое

решение, несмотря на пьяные визгливые мольбы хозяина оставить их с собакой в покое. Прозвучало подряд пять хлестких бичевых хлопков. Выстрелы направлялись наугад в темное отверстие норы, и звенящая неловкая тишина подтвердила достижение цели. Все было кончено.

Наряд, пряча глаза, потоптался еще несколько минут по вольеру и уехал. А человек наконец начал трезветь. Прояснение, приходившее взамен уходящему дурману, повергло в шок: друга лучшего, надежного, верного, погубил своими руками. И он плакал громко, не стыдясь, стоя на коленях, раскачивался болванчиком прямо на полу грязного вольера, не замечая крови и боли на изодранных острыми клыками предплечьях и кистях рук.

Спустя два часа пес выполз из норы. Он был еще жив. Пули дважды прошли навылет, и лишь одна застряла в бедре. Крупных сосудов не повредили, и он смог зализать раны. Хозяину он больше не верил. Грозным, озлобленным рычанием встретил его попытку приблизиться к себе. Но способность чувствовать и думать уже вернулись к человеку. Он был виноват перед собакой, и должен во что бы то ни стало ее спасти. Срочно по телефону упросил другого знакомого охотника взять израненного пса себе. Укутывая обессилевшего зверя в одеяло, уворачиваясь от острых, как лезвия, собачьих клыков, теперь уже бывший хозяин наконец понял, что окружающая действительность – грязь и запустение – дело только его рук. И все, что в его жизни было хорошего, светлого и радостного, он и не заметил, как пропил. И слезы раскаяния ли, прозрения ли падали на серое замызанное одеяло, на израненные руки, но не приносили желаемого облегчения совести. И он монотонно бормотал, повторяя, как молитву, обращение к охотнику: «Ты только помоги ему, ты только выходи его, прошу, помоги ему...».

Как будто в этом теперь заключался весь смысл его потерянной жизни.